

Воробьев С. Г.

**КРАТКИЙ МЕМУАР О ПРЕПОДАВАНИИ
ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ А.И.УЕМОВЫМ
НА ФИЛОСОФСКОМ ОТДЕЛЕНИИ ОДЕССКОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. И. И. МЕЧНИКОВА**

*На веки вечные мы все теперь в обнимку
На фоне классика ...*

Б.Ш. Окуджава

В сентябре 1995 года начались занятия на первом курсе вновь созданного философского отделения Одесского университета имени И.И. Мечникова. Это был первый набор студентов, два с половиной десятка человек.

Важнейшей из учебных дисциплин полагалась история античной философии. Курс читал Авенир Иванович Уемов. Мне выпала честь вести за ним семинары. Естественно, старался не пропускать лекций Авенира Ивановича. То, что там происходило, отличалось от того, что было привычно. А.И. Уемов не всегда излагал материал как лектор. Иногда он входил в аудиторию и говорил, что сегодня он не профессор Уемов, а, например, Демокрит. Первокурсники, бывшие школьники, не привыкшие молча выслушивать сложный материал в течение полутора часов, охотно вступали в беседу с философом, задавали вопросы, спорили. Это было похоже на мои представления о древней Элладе. И обращались к Учителю во втором лице единственного числа, как свойственно было грекам: “Скажи мне, о Демокрит, почему ты решил, что все состоит из неделимых?”

А.И. Уемов привлекал к подобному донесению материала коллег. В частности, он не взялся представлять Платона. Для этого был приглашен Арнольд Юрьевич Цофнас. Но представлять Аристотеля Авенир Иванович не доверил бы никому.

Читая в следующем семестре курс средневековой философии, Авенир Иванович, помнится, уже не прибегал к “олицетворению”. После первой сессии бывшие абитуриенты начали становиться студентами — и отношение к ним было соответствующим. Но вопросы на лекции по ее ходу по-прежнему приветствовались. Появилось новшество: краткие тесты, проверявшие понимание смысловых моментов лекции “с обратной связью”.

В следующем учебном году А.И. Уемов продолжал читать лекции по курсу античной философии для первокурсников. А для второго

курса — лекции по философии Нового времени. Семинары оставили мне, чему я был очень рад. Также поручили читать небольшой курс по философии Возрождения и вести семинары. Это лишило меня удовольствия прослушать соответствующие лекции А.И. Уеова. С тем большим интересом проходили для меня уемовские лекции по философии XVII и XVIII веков. Этот интерес был не только познавательным и абстрактным, но и практическим. Стало заметно, с каким мастерством Авенир Иванович излагает материал, обращая внимание на главное. Слушая его, ловил себя на мысли, что вот он не рассказал о том, об этом, хотя и можно было бы, да и хотелось мне бы — на его месте. На своих же лекциях, не следуя подобной разборчивости и самоограничению, не всегда удавалось укладываться во время без того, чтобы не комкать концовку. Абстрагироваться от второстепенного — великое умение. И им А.И. Уемов обладал в высшей степени.

Глубокое понимание философии позволяло Авениру Ивановичу расставлять акценты в трактовке творчества того или иного философа по-своему, отлично от привычных идеологем и философов. Запомнилась лекция о философии Джорджа Беркли. Всем, кто учился “при историческом материализме”, было известно, что это идеалист, причем субъективный, и, к тому же, солипсист. Это касалось и тех, кто читал Беркли и “сдавал” его в курсе Новой философии. Но Авенир Иванович подчеркнул крайний номинализм Беркли и его отказ от теории абстракции Локка вплоть до непризнания универсалий в мышлении. В беседе в Уемовым после лекции задал вопрос: “Какая же форма умозаключения возможна для аргументации Беркли, если он не признает общего?” Невозможны как индукция, так и дедукция. Ответ Авенира Ивановича выводил за рамки творчества Беркли и обращал к параметрической общей теории систем и языку тернарного описания, где Уемов, их автор, прекрасно обходится без универсалий. Конечно же, речь шла об аналогии, которой посвящены диссертация и монография А.И. Уеова.

Припоминается разговор с Уемовым о преподавании античной и средневековой философии. Мне представлялось тогда, как, впрочем, и сейчас, что для этого необходимо владение древними языками. Авенир Иванович по широте своей натуры и по глубокому пониманию ситуации перманентного переходного периода допускал противоположное применительно к нам, своим коллегам.

Присутствуя на экзаменах по истории философии вместе с Уемовым, неоднократно отмечал, как он деланно удивлялся тому, что

студенты в своих ответах приводили массу точных дат жизни и творчества философов. Он вопрошал: "Как это вы все помните? Я, например, не могу все это удержать в голове!" Понятно, что Авенир Иванович намекал на то, что студент пользовался шпаргалкой, что он не может выделять важное, говорить об идейном содержании, подменяя его второстепенными фактами. Но если бы так историю философии понимали только нерадивые студенты!

Подобно многим, но далеко не всем, А.И. Уемов скептически относился к тезису о "линии Демокрита" и "линии Платона". Он неоднократно подчеркивал, что если и можно говорить о каких-то линиях, то это скорее линии Платона и Аристотеля.

И, в заключение, об "основном вопросе философии", который безальтернативно господствовал в онтологии и метафизике. Всем своим творчеством Авенир Иванович отстаивал альтернативную онтологию и метафизику, структурную.

Кирилюк О. С.

ЕЛЕМЕНТ, ФУНКЦІЯ, СТРУКТУРА ТА СИСТЕМНО-СЮЖЕТНА ЄДНІСТЬ КАЗКИ У СВІТЛІ УНІВЕРСАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ПІДХОДУ⁴³

1. У справі розробки загальних методологічних засад дослідження структури казкових текстів велику заслугу має О. І. Никифоров, котрий чи не перший вказав на те, що **постійними** в них є **лише функції персонажів**, кількість яких є невеликою. За ним, функції діючих осіб групуються у комбінації за принципом досить вільних сполучень, і це складає основну пружину казкового сюжетоскладання [3, сс. 174-176]. В. Я. Пропп зазначав, що, прагнучи до ліквідації прогалин у своїй літературознавчій підготовці, він став ретельно вивчати збірку казок О. Афанасьєва, наслідком чого було здивування – як це ніхто до цього не помічав, що казки про Морозка, про пасербицю та мачуху, ведмедя або лісовика, де пасербиця виживає та ще й отримує винагороду, а рідна мачушина дочка гине, є однією й тією ж самою казкою? Дещо розширивши кількість функцій, він, услід за О. І. Никифоровим, став твердити, що всі чарівні казки, зрештою, грунтуються на однакових функціях та є однотипними за своєю бу-

⁴³ Доповідь зроблено у розвиток та поширення ідей, висунутих у: Кирилюк О.С. Універсалії культури і семіотика дискурсу. Казка та обряд. Одеса: Автограф / ЦГО НАН України – 2005. – 372 с.